



Святитель Николай. Роспись Ферапонтова монастыря.

Мистик с бараньей ногой

Открылась выставка самого национального из всех русских иконописцев

Сергей Соловьев

По-настоящему широко известны только два древнерусских художника — Андрей Рублев и Дионисий. Они олицетворяют почти всю иконопись. Но в то время как у Рублева был мощный пиар — фильм Андрея Тарковского, Дионисия широкие массы знают лишь в общих чертах по Ферапонтову монастырю. Выставка в Третьяковке должна высветить Дионисия, как написано на афише — «живописца пресловутого». После долгих расспросов выяснилось, что «пресловущий» — попросту лучший, the best.

Как любая пара знаменитостей, даже в том случае, когда их разделяет столетие, Рублев и Дионисий — чуть ли не антиподы. Первый — монах, созерцатель, аскет и затворник. (Не берем пока в расчет домыслы Тарковского о его участии в татарских погромах и языческих оргиях.) Второй — плоть от плоти светский и жизнелюбивый семьянин. Считалось даже, что Дионисий происходил из аристократов. В Боровском монастыре широко ходила байка насчет того, как Дионисий, расписывавший собор в пост, проносил запеченную в яйцах баранью ногу. Был, естественно, пойман и прощен. За иконостас Успенского собора он получил немислимую сумму — 100 рублей, что сделало его самым коммерчески успешным богوماзом.

Энергия и напор Дионисия нуждались в особых условиях. Из полутемных келий Сергия Радонежского иконы переносятся в залы, сконструирован-

ные итальянцами. Иконостас в только возведенном Аристотелем Фьораванти кремлевском Успенском соборе достается Дионисию, расцветающий Волоцкий монастырь — вотчина его друга, свежий собор в Ферапонтове с нуля и до последнего мазка — эксклюзивный объект Дионисиевой артели.

В то время как Москва превращается в Третий Рим, появился художник римского масштаба. Тут само собой напрашивается сравнение Дионисия с неумным Церетели времен перестройки. И оно не такое смешное, как кажется. Церетели приложил свой примитивизм к космополитичной столице и привнес, что называется, «ду-

онисий иконник со своими чадами».

К появлению этой подписи, то есть к окончанию росписей — 21 сентября 1502 года, — приурочена выставка в филиале Третьяковки на Крымском валу. Здесь собраны почти все известные Дионисиевы иконы и живописные копии его фресок. Этот проект подытоживает серию показов, приуроченных к Году Дионисия. Сначала скромная экспозиция в Ферапонтове, затем сумбурная выставка в Русском музее и, наконец, кумач московских стен. Кстати, на красных стенах Дионисий смотрится лучше всего (его иконы в постоянной экспозиции Третьяковки помещены на грязный

Уходит время, когда просто иконы собирали очереди страждущих к ним приобщиться. Очереди собирают имена. И в этом смысле ретроспектива Дионисия и актуальная, и поучительная.

Выставка, может быть, впервые так показала, что такое «авторская иконопись». Не следование византийским образцам (Рублев жил при Византии, Дионисий — после нее), а поиск национальных черт, не стертый канон, а живое звучание краски, не перечень иконографических типов, а духовный опыт живописца.

Всем известно, что бесплотные, графичные (почти коллажные) фигуры Дионисия теряют связь с восточной классикой. Зато устанавливают связь с другим течением на перекрестке веков — с русским авангардом. Стоит только взглянуть на иконы его святых — и весь Малевич как на ладони. До таких абстракций, как дионисиевские кресты на белых фонах, отцу супрематизма еще расти. Для таких радикальных вещей, как облака вместо канонического золота или голубая фигура на голубом же фоне, место в XX веке.

Впрочем, все эти параллели и связи на выставке только угадываются. Их можно было бы прописать в свежем каталоге. И, возможно, они там прописаны. Но когда берешь внушительный том и видишь «поплывшие» фотографии тридцатилетней давности, похожие на те, что печатались в советских атеистических книжках, вникать и сопоставлять нет никакого желания. Если уж братья за Дионисия, так только пресловуце.

Бесплотные фигуры Дионисия устанавливают связь с русским авангардом

ховность» гуляний. Дионисий превратил иконопись в зрелище.

Понятно, вкус и мастерство Дионисия на порядок иные. Но это не отменяет его политической ангажированности: две его главные иконы «Митрополит Петр» и «Митрополит Алексий» — не что иное, как обоснование московского главенства. Ощущение собственной значительности вылилось в оглашение имени. Среди длинного ряда безымянных росписей ярко красуется надпись на северном входе храма Рождества Богородицы в Ферапонтове: «А писал Ди-

охристый фон, на котором, по признанию, сотрудников ГТГ, «сильнее вылезла зелень»). В центре крымского зала стоит подобие буддийской пагоды со вставленным в купол Христом Вседержителем (ферапонтовская копия).

Кураторы выставки решили отказать от так называемой школы Дионисия. Она могла бы заполнить все этажи ЦДХ. Здесь только самые знаковые вещи, вышедшие из его мастерской. Все внимание — к фигуре художника. На первый план выдвигается не анонимная древнерусская живопись, а личность.

независимая — 2002 — 29 июля — с. 7